

18+

Юрий Бевзюк

РОДИНЫ БЛАГОДАРНОСТЬ

Юрий Бевзюк

Родины благодарность

«Издательские решения»

Бевзюк Ю.

Родины благодарность / Ю. Бевзюк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983877-3

Не всегда Родина бывала ласкова, но родиной оставалась всегда... Так коротко можно охарактеризовать отношение автора к Родине. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-983877-3

© Бевзюк Ю.
© Издательские решения

Содержание

Как Родина в 65 – м своих защитников благодарила	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Родины благодарность

Юрий Бевзюк

*«О, Вечность, прекрати твоих шум вечных споров!
Кто превосходней всех героев в свете был? В святилища твои
от нас в сей день вступил Суворов»...
Эпитафия Суворову от Державина*

Дизайнер обложки Евгений Сазанов

© Юрий Бевзюк, 2020

© Евгений Сазанов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-3877-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как Родина в 65 – м своих защитников благодарила

Через Сванидзе беспринципного цезарь новейший наш таки и выволоч на лице-зренье «быдла» Августа Октавиана лик, – с которым сходство сразу я увидел [тот вроде нашего был *покрасивше*, но не было тогда современных средств идентификации лица ... а были всегда и будут *льстецы* 6.3.2020] – как раз к зиме уж лет одиннадцать (27 июля 2010); тогда Володимир (знаковое имя! Россия – целый ведь тоже мир) был благообразнее, как все мы в младости, – и больше, чем ныне, походил на известной статуи Августа лик; и роль его в (траги) комедии людства досталась та же – замирить волчьи стаи как-то (себя отнюдь не забывая, куски жирнющие урывая) ... **За две тысячи лет кое-что не меняется – однотипные люди во-время на месте ключевом появляются;** ну, а дальнейшее зависит уж от нас (две тысячи ведь лет прошли не зря): от меня старика (других таких пока не знаю) и тех немногих, кто мне помогает, на кого полагаюсь (а это в будущем пока, – надеюсь, будут через месяцы...), – и, главное самое, – от младости... (16 августа 2011)

[Не оправдалась-то эйфория тогдашняя ... здесь та же злой истории ретардация 6.3.2020]

Судьба, мы знаем, любит ретардацию, – и не спешит с возмездьем Правда, – зато и бьют уж наотмашь... Сами злодеи коль избегнут кары – потомство их таки достанут (как то и началось у нас в 17-м, – и будет, будет повторятся – не обретутся покуда Правдой – с помощью нашей! – от повторений зла надежные гарантии) ... 16.8. 2011 —

У меня изрядно похожий на Ельцина был один из четырех капитанов, с которыми год помполитом (первым помощником, на самом деле – «комиссаром») я плавал (ходил в моря – говорят мореманы); такая же помесь блондина ... с азией; сначала тот капитан был наилучшим для меня из всех капитанов, с коими довелось плавать (капитана Фивейского, чуть ли теперь не из басни, исключая, с коим месяц плавал практику перед зачислением в парткома Мортранспорта «аппарат»); а там года полтора работал с Мальковым, меня туда зазвавшим, – пока тот наверх не «попёр» круто: и допёр до того, что «коммунистов» охвостье предлагало его в 1990-м в председатели Верховсовета против Ельцина... – И он *отказался* (здесь по «транзистору» его голос знакомый слышал), – видимо, опасаясь, как бы в самом деле не избрали... (Зюганова в 2006-м – а что толку! – и избрали, – да нельзя и тогда еще коммунистам было брать власть (кстати, **власть не берут, – на нее силы социальные ставят**) ... – Не отвечать за маразм «комуняк» дабы, за ельцинско-гайдаровский развал... – И паче, чтобы **идею** надолго не гнобить (**навсегда ее погубить ничто не в силах, – и уж когда к ней вновь присоединится сила, – а это неизбежимо!, – ничто пред нею не устоит**)...

Так тот душка капитан сначала, – по-первости мы с ним не разлей вода!, – обо всём разговаривали, – вдруг форменной скотиной стал, – когда наш танкер, вместо рейса в Японию (после тоже «валютного» на Вьетнам) – в хладный Магадан в феврале 71-го отправили, – зане у танкера туда планового подогрев солярки вдруг отказал (возможно «подмандячили», и скорее всего, – но это только по теперешним временам мне представляется! А тогда не только я не додумался до возможности такой подлянки, – но даже и тот «скотина» -капитан), – и в посудину ту бензин закачали, который при любой температуре выкачивается, – а честных нас – на Магадан. ... И там мы еще оставались с капитаном закадычными друзьями, – но тяжкие льды поднесло в тот февраль к столице Колымского края: льдиной изрядной метров семь довольно тонкой стальной обшивки (уже подржавленной, покрашенной) нашего старенького танкера («Черновцы») сорвало, – и нас вместо благословенно теплой – и валютной, самое главное!, – Японии, – завернули на ремонт (заодно и длительный был на носу плановый), – в тоже хладную Совгавань!... Сразу осволочилась вся команда, а главное – сам капитан ... А я, напротив,

был несказанно рад новым местам, просто берегу был рад – Мне, чемпиону края по спортивному ориентированию менее года назад, буквально в *последние полдня* перед плаваньями, – просто хотелось донельзя на лыжах пройтись как следует! Хотя, как и все, терял в окладе десять процентов, – и шиш валюты совсем! А она была главное, зачем плавали! Я думал, что и мне в ремонте оставаться, – а, оказывается, – помполита сразу с судна снимали, – в Находку самолетом – и без промедления в загранку (без помполита за границей запрещалось членов команды на берег отпускать)!.. А я сего не знал! Что помполита сразу с ремонта снимают... Очень много важного (не доступного даже большинству подавляющему) тогда уже знал, а – тот *пустячок* не знал... А бедняга капитан и мысли не допускал, что это-то я и не знаю! Я знал больше самого дьявола, – а этого-то «пустячка» (на деле – самого главного!) и не знал!.. Вот же какие в застойные времена бывали казусы... Такая-то бестактная (в представлении несчастного капитана) моя в предвкушении берега щенячья бескорыстная радость – была принята беднягой за злорадство изрядное, за садистское издевательство: тебе, мол, в ремонте корпеть, – а меня сразу в загранрейс... *Вот какие злые казусы создавала тогдашняя наша «зажатости» практика!* (Ну, – а теперь нас вообще «сюр» захлестывает! С той только «обратно пропорциональной» разницей, что большинство подавляющее не знает свое будущее ближайшее, – а я, в числе немногих очень – и друг с другом не сообщающихся, – знаю) ... Так что, может, не такой уж негодяй (как Ельцин, на него лишь похожий, оказался!) был тот капитан, – может, он о «тачке» всю жизнь мечтал, – только той валюты японской толики ему и не хватало на давно вожделенное авто несчастное! (Неоднократно описал тот казус судьбоповоротного-знаменательный по-всякому, читайте, коль дойдет до издания и моих воспоминаний, – а здесь закругляюсь) ... Крепко тот капитан мне нервишки за те полторы недели потрепал (*равно – без малого весь год плаванья на том танкере почти явное несогласие с моей синекурой «бездельного кота», почти явно судовым плотником высказываемое, – и буфетчицей Турчинской, «хулиганкой Валеи», весьма ворчливой (которой вполне можно было и «вставить» (и весьма не прочь была и она поначалу) – ежесутренне ведь у меня и у капитана в каютах прибирала, – но мне этого было никак нельзя себе позволять... а она, «вставки», естественно, от меня не дождавшись – возненавидела «аза» подсознательно «по бабски») ... Но больше «проел мне плешь» (коей еще не было), все-таки, капитан... – и по гроб ему я должен быть благодарен: через те передрыги я «штатным» охотником стал – и мало того, что *душу спас*, возможно, и здоровье, позволяющее **на 74-м** вот так [и уже на 81-м! 6.3.2020] сочинять (хотя абсолютно ничего не «сочиняю», описать с наивозможной точностью все стараюсь – мне можно верить, как самому «богу» (ежели бы таковой был возможен в природе) ... Благодаря тому казусу, той задаче танкерного капитана – важнейшую обрел я жизненную удачу: – прожил как должно, сильные лета, – и *есть на старости лет мне, кроме всяких житейских передрыг пакостных, – есть что и повспоминать ... задним числом радостное ... когда уже почти никаких в настоящем – не осталось радостей ...**

Моральные передрыги характер, волю укрепляют; от внешних и от внутренних причин бывают: от внешней среды давления, – и от твоих собственных решений ей сопротивление; у меня тех и других было достаточно с самого «ранья»... Сначала от послевоенных шпанят, угнетавших помладше их малышат; затем, со школы в 47-м, – от отца, страдавшего в его отцовско-материнской семье «синдромом младшего брата», где трех сестер старших и брата, с`амого старшего (бывшего им за рано умершего отца, моего деда, стало быть), – все, без исключения, отпрыски «людьми» стали: отец опасался, как бы его старший сын «балбесом» – стыд и срам – не оказался: на мне отец и сбил свои молодые родительские амбиции; из-за него мой первый серьезный стресс-кризис, в апреле 50-го, за три месяца до мирового корейского кризиса (который ездил через бухту у дома партпроса по схеме в «Правде» следить) ... .. Робинзонад начитавшись, давлением и в семье и в школе угнетаем, я уже лет с девяти меч-

тал от людей в лес уйти; случай представился в начале апреля, в десять с половиной лет ... Бешено, как и все, на переменах носившись, толкнул нечаянно парнишку – и он, отшатнувшись, порвал школьную стенную газету! Кары за это и в школе и семье, мне мнившиеся, – решил побегом из дому избегнуть... Мать, не обратив внимания, что пришел из школы слишком рано, дала мне 25 рублей хлеба купить; переправился через бухту катером на Мальцевский базар, купил ножичек в чехлике – все мое вооружение, – в пригородный поезд сел и до Надеждинской в почти пустом – один в плацкартного стандартного вагона купе проследовал, затем пошел по шпалам на север, всматриваясь в то приближавшиеся к пойме Суйфуна безлесной мыски хвойного леса, то отдалявшиеся; кое-где дорога железная близко к реке подходила, раз, к воде почти спустился; резкий, холодный неприветливый северо-западный ветер гнал по реке мелкие беляки, пронизывал мое пальтишко; грелся движением впервые, – как потом много в жизни; сразу почти того, что замыслил, химеричность ощутил, – вернее, что предпринял под паническим импульсом: землянку не выроешь без лопаты, никак в лесу без топора, посуда нужна, запасы...; стараясь от ситуации безнадежной мысли отгонять, – к Раздольному против плотного ветра холодного по шпалам двигался, там жила тетя Надя, старшая сестра отца – две двоюродных сестрички и братьев двое (умер третий старший); к сумеркам к Кипарисову подходил, у здания станции дореволюционного одноэтажного кирпичного с криком орава детишек носилась: – оборванности одежки их нищей, несмотря на удрученность, – поразился; не мог знать – лет через тридцать пять многократно буду к тому вокзалу кирпичному с другой стороны подходить, – что именно здесь моя детская мечта осуществится... ..К Раздольному уже где-то к одиннадцати вечера подходил; к тете решил не заходить, зная, что встревожу и ее, – как уже родителей: успел – везение – на последний поезд во Владивосток пригородный минут за десять; словами не описать моего отчаяния, моего нежелания к родителям возвращаться, – но случай благий редкую красавицу, яркую блондинку в одно купе со мною посадил: лет двадцати, немного пышноватую плечьями, как вообще блондинки натуральные; сидела все полтора часа с лицом невозмутимым, – ее красота редкая, дотоле мною невиданная (за те месяцы, что интерес к женскому полу уже проявился, – или, вернее всего, он с той блондинки яркой и возник *(сразу высокую планку взвив, – а она у меня не низка и генетически: и мать и отец были красивы)*); такая красота сразу мое отчаянье сбила, – я просто «аховость» своей ситуации забыл, ощутив интуитивно, что все это мелочи, пустяки, – *раз есть в жизни красавицы такие*; ... поезд пришел на вокзал где-то к половине первого ночи, трамвай еще ходил, – надо же людей развезти с последнего поезда пригородного; с Луговой – а нет, на катере на Мальцевскую чуркинскую: никогда не забыть отчаянное нежелание домой идти, вновь нахлынувшее: хотелось голову о коллектор водосливный, освещенный «как днем» полной луной в отчаяньи тоскливом разбить; не стуча во входную дверь, дом обошел, постучал в окно комнаты родителей: – Юра, ты один?, – спросил отец тихо (за оврагом, близко, случай был: через сына в дом ворвались, вырезали всю семью грабители); ...разумеется, дома не было никаких репрессий – мать и отец были радешеньки, что кончилось вполне благополучно, что старший сын вернулся жив и цел; никто и в школе не вспомнил назавтра о той порванной стенгазете...

...Затем выше (к разновидностям опасностей описанное чуркинской шпане в лето-осень 53-го, – для меня «победное» противостояние и, разумеется, полезное: начал сполна познавать людей; узнал своего кулака резкость); моральные терзания свелись к страху, не повредил ли глаз несчастному Карасю Ваньке: в кодле из двадцати шпанят ему поставил «за обзыванье», в темноте уже, фингал перед фильмом в «бригаде»... Тогда положил себе я – ни в каком случае за оскорбления – не нападать: силу применять – только от нападения защищаясь...

...Воюя в лето 53-го с с двухгорбово-окатовской шпаной, не знал еще, – что с августа ...комсомолец... ..После смерти Сталина был в конце апреля прием в комсомол массовый; много было еще от войны недавней и оккупации – переростков тогда в семи шестых классах, – и я заодно заявление подал, хотя полгода еще до 14-ти не хватало.. Я стал консультан-

том всей той массы – больше сотни в комсомол принимаемых (недаром же у меня еще одна кличка была – «политикан»: где какие страны, типы правлений в них, какие партии правят, в каком положении компартии, кто где в основных странах президент-премьер, – и, разумеется, по комсомолу уставу: всё это у меня «от зубов отскакивало»): – консультировал не только шестые, но и седьмые, и восьмые классы; все страшно перед бюро райкома волновались, – один я спокойным пребывал; на бюро уверенно на все вопросы ответил, и чуть не был принят, – но кто-то спросил: – Юра, а в каком месяце ты родился? – Пришлось признаться – в октябре, – не приняли за недостаточей аж шести месяцев!.. Не описать словами мое отчаянье! В политике ведь лучше всех разбирался – принятых «чайников»! ... Не приняли в организацию Николая Островского, Аркадия Гайдара, Олега Кошевого – многих, многих прославляемых... Тогда ведь в кино, на радио только патриотические мотивы звучали... Месяц ведь только назад умер Сталин! (Хотя мне уже год или два уже не нравилось, вызывало досаду, – вся первая страница выписываемого в дом «Красного знамени», – *коей газеты почти через сорок лет стану единственным в источниковеденье истории послесталинским «колумнистом» -автором*, – стандартными поздравлениями вождю занята; – то не могло еще быть политической антипатией, – а больше генетическое стремление к плотности информации... около тогда, в шестом классе, когда еще был жив последний год Сталин – или, скорее, уже в седьмом, первый год после его смерти, – я с отцом, сильно сердитым на Сталина, спорил яростно: мать еще ему кричала перестать, опасаясь, как бы я на родителя не донес, как всем известный Павлик... но я уже тогда отделял деяния от высказываний, да и отца в любом разе не предал бы; ...прошедшие полвека показали – подросток я был больше отца прав... ..Кто бы знал, как был удручен я тем в приеме в комсомол отказом... С горя набил карманы спичек коробками, и, серку в дуло «поджиги» соскребая, до темноты палил в овраге, – целясь в сердцах в пустые консервные банки: кусочками свинца их дырявил, великую свою досаду на тех банках вымещая...

... В горячее для меня, того же 53-го – боевое лето двугорбовско-окатовской шпане противостояния – не знал: в августе утвержден комсомольцем по анкете «автоматом» (всё еще за два месяца до положенных 14-ти), – только в январе 54-го в райком позвали комбилет получать, – а до этого я на комсобрания класса рвался, – но пятерка переростков не пускали; до седьмого лидером класса был переросток (года на три), – стало быть, уже почти взрослый, Левченко Павел, – но как я в декабре (в 6-м классе) вдруг разом всю геометрию *понял* и стал задачки «щелкать» буквально, – а Павлик и к точным наукам был туповат, и к гуманитарным, – но был весьма аккуратен, отличным почерком обладал, засматривал учительницам в глаза своими светлоглубыми глазками: – хотя лицом был узковат, и постоянный на щеках румянец, – личиком был приятен, строен, ростом по возрасту нормален... Так вот, этот Павлик, умом особым от природы не обладая, стал к моим успехам в учебе ревновать, – и к холодам подговаривал тоже переростка-амбала (и года на два меня старше), с «камчатки» (с задних то есть парт), – и еще не успел прозвенеть звонок с урока последнего (а мы во вторую смену занимались), как погас свет внезапно, – и сразу мне по затылку тяжелый удар! Меня не то что спасла, – но избавила от потери сознания только моментальная реакция (и потом много раз спасала): успел пригнуть голову к парте; следом легкий хлопок по плечу, – Володя Кочетков тут свет включил, – и вижу в дверях широкий зад верзилы Максима (Максименко), следом долговязый Гена Тарасенко (этот вроде бы приятелем считался, и я у него бывал – как младший (ему тоже уже 16), – чаще; Кочеток кричит: – Это Левченко их подговорил! Я видел! ... – видел переговоры Павлика с Максимом-амбалом, и слабовольным Тарасом, – видел, но о чем говорили, не слышал, – а то бы меня, понятно, предупредил; Максим, как изрядный тупарь, меня недолюбливал, ясно, но долговязому, бельмоглазому Генке Тарасу я ведь постоянно помогал задачки решать, – вернее, постоянно списывал у меня и другим давал списать... Так я стал одновременно *объектом приложения* и подлости – и благородства! Со стороны Гены Тарасенко – некоторое по слабовольности подличанье (Левченко Павлик – настоящий из зависти

подлец) ... А Витя, кажется, не Володя, Кочетков, маленький, младше меня почти на год, сынок полковника, – не только не обладал завистью (в шестом классе он преуспевал по алгебре – я ею тогда скучал, в седьмом и она стала для меня пустяк, – оттеснил его с первого места и по этому предмету), – но и проявил внимательность к ситуации в классе, разглядел против меня низкий заговор, – и разоблачил его сразу бесстрашно (он был ведь очень маленький по сравнению с теми тремя уже дядьями); на следующий день, как собралась перед входом в школу вся вторая смена, я подступил к Левченко – ему 17, – а мне только 14 два месяца назад, – сделал рукой со сжатым кулаком выпад, будто собираюсь ударить, – он побледнел, уклонился ... струсил, как я и предвидел: хотя внешне вполне на парня походил, – он, что называется, «баба» был: с двумя такими же переростками-девицами на почве обмена сплетнями дружил, секретничал, хихикал... .. Та передряга с подзатыльником мне моральных терзаний вовсе не причинила, – напротив, я доволен был: познание людей значительно расширил, – и хотя не хотел, но именно здесь место упомянуть о моральном страдании, первом во времени, что я собою причинил другому пола представительнице... ниже описано...

...В восьмого же класса самом начале, в сентябре 54-го, от всех буквально тогда в тайне, – проявилось ярко-контрастно (уникально! вряд ли еще с кем-где-либо-когда!) мое врожденное «нелюбоначалие»: – противостоянием с директором-«бюрократам». ... По его же предложению я был избран секретарем комитета комсомола школы, он попросил меня после распределения обязанностей членов комитета «по секторам» зайти к нему на беседу; я подошел через полчаса к его кабинету... и, в ожидании приглашения зайти, – и два часа битых голодный просидел; директор, меня не заметив, прошел мимо меня раз несколько, – так и ушел домой в гневе, сочиняя против директора «филиппики»; и после казуса этого я общался с директором несколько месяцев лишь записками через секретаршу-машинистку исключительно! Отстранил директора восьмиклассник от всей работы в школе идеолого-политической! ... А через год еще лишь тридцатилетний директор, но уже обрюзглый, толстеющий, – на своей выпускнице женился (наверное, в тот злополучный день предвкушал свидание с своей десятиклассницей, – а о секретаре комитета комсомола, восьмикласснике, – сам же и предлагал избрать – позабыл начисто!) ... – И его за этот, недопустимый по тем временам мезальянс (вернее бы – *рецидив первобытных запрещений браков меж поколеньями*) – бюро райкома партии со «строгачем» сняло с директорства сладострастника, – и пришлось ему на селе директорствовать; правда, там – пошел ему таки мой урок впрок! – отличался как раз организацией в школе общественности, раза два встречались потом ему похвалы в краевой газете... (В конце сентября 55-го Бутовец, дела уже передав директрисе Бевз, выходя последний раз из кабинета директора, – меня в конце пустого коридора второго этажа (шли занятия) заметил, с расчувствованным лицом пошел мне навстречу, – руку мне крепко на прощанье пожал, с чувством сказал: «Юрий! Как начали – продолжайте!»... Ну, и получается так: как начал – так и продолжаю)

...

Затем в 56-м размолвка «малая» с приятелем, меня в двухмесячный поход **завзавшим**, – из-за защиты руководителя похода Ляшка: – тому 56, нам по 16: «зажимал» по мнению, понятно, постоянно голодных в тяжелом походе ребят сахар, чай всё казался не сладким; – я положение с нашими финансами наравне с Ляшком знал (сам и помогал деньжата в четырех местах «вышибать»), – и вообще уважал партизана в младости, – с молодняком, нами,

в 56 своих таскавшегося (дневник того похода давно обработан, шесть уже лет ждет публикации); Юра Засорин, физорг школы (ф.11, справа, слева я; ф.12, в центре) – присоединился к ворчуну Ереме в травле Ляшка, – чего не простил ему я... и 20 лет спустя (ф.13, я сижу слева, Ефрем Гавр. Ляшок – справа), не поговорил даже на вечере встречи одноклассников;

он – уже каперанг, командир подлодки Боевой Части; давно – что не подошел – покаялся... – **Юра, встрече с тобой буду очень, очень, очень рад! Прости меня...**

Далее... в того же 56-го конце и 57-го начале аж два весьма передражистых противостанья: с отцом сначала... Отец-бедняга, сильно страдавший в начале каждого из моих младших классов моими тройками – из-за врожденного нелюбоначала (потом училки мои способности распознавали – в конце года каждого неизменно лист похвальный и книга с надписью в награду), – уже гордился моими успехами в старших классах, хвастал: меня «тянули на медаль», – но я, дурак, объявил в ноябре, что «в институт» не буду сразу поступать, – а пойду в работяги!.. Здесь долго, сложно почему – объяснять – там и сям дальше, – в подробностях в школьного моего дневника издании... «Ты убил отца!», упрекала в слезах мать... Но как я мог кому-либо тогда сказать – слишком экзотика: *решил я стать писателем...* ... А в 57-м, в конце января, я «отвечал» на бюро райкома комсомола за в школе развал (а был энтузиазм при мне, комитета комсомола школы секретаре в 8-9-м классах: – еще я членом райкома комсомола оставался в десятом классе, но согласился избраться лишь на номинального замсекретаря), – и правду об учителях сказал, двух-трех учительниц назвал самых отстающих... До сих пор мне не понять: или от наивной, еще глупой правдивости – или, напротив, – от слишком острого уже тогда ума (по того бюро уникальному результату!) – урок в психологии людства немедленно получил уникальнейший! ... Против меня – без промедления единого дня – ополчилось почти всё школьное учительство солидарно, – и в прозе и в стихах подробно описал не раз... И не то, чтобы был такой уже конфликтный я, есть объективное доказательство: секретарствуя в 8-м классе, дабы справиться с четвертьтысячной комсомольской организацией в 19-ти классах, поначалу немало выговоров на комитете за недисциплинированность понараздавал, двух десятиклассников (его – за пьянку, выпивши на вечер пришел слегка, другая еврейской обозвала единственную в школе девочку, внешности типично семитической), – из комсомола исключил даже (хотя и на самом излете, последние года полтора, – оставались еще суровыми времена) ... В начале 9-го класса, **в сентябре 55-го**, отчитавшись на отчетно-выборном собрании, я снова был выдвинут в комитет, – и после подсчета итогов тайного голосования с удивлением узнал: – из девяти предложенных – всех меньше голосов против меня – всего три – при голосовании тайном, – а против восьми других – от пяти до десяти (в дневнике 56 лет назад почти записано, так бы, за «баснословной» давностью прошедших лет, – а тогда не придал никакого значения, – забыл бы непременно); а исключенные из комсомола несчастные десятиклассники подходили на улице уже лет их в 25, и он и она, – в разное время и порознь уже взрослые, докладывали: мало того, что вступили в комсомол снова, – но даже активистами стали... знать пошел им тот урок мой впрок...

Следующая передрага, постигшая меня неожиданно-негаданно, – *самая черная родины неблагодарность честно отслужившему солдату*, – причем последние два года сержантом за мизерную оплату, на должности офицерской, вплоть до капитана... Та передрага – самая тяжкая – и единственная непрощаемая, – поелику нанесена не только «учеными мужами», – но юристами даже: доцентом, деканом ДВГУ ист-юрфака Елисейкиным и замректора Овчинниковым, профессором... В августе 65-го по вызову из армии я вступительные экзамены в конкурсе 14 человек на место, *вторым* сдал (все на отлично, – но абитуриент один, тоже сдавший на отлично, был золотой медалист, – а как у меня, достойным гораздо более других, получивших, – с медалью этой пакостной получилось – намекнул вкратце чуть выше... далее и подробнее описано, – и уже с полными необходимыми подробностями – в дневниковых записях, если до их публикации дойдёт) ... ..И вот за неделю до зачисления секретарша факультета, с медузообразным ликом, лет тридцати, этакая мегера властолюбивая, к тому же, видимо, с ненавистью к парням симпатичным... собрала нас пятеро, три девушки, два парня, – лучше всех экзамены сдавших и заведомо зачисляемых, – и предложила поработать неделю на инвентаризации книг в библиотеке университета... В другое бы время я с большим желанием в книги зарылся –

это же занятие, всю жизнь любимое, с радостью понятной пообщался бы – после трехлетнего-то «поста» в армии (хотя год средний, в политотделе, мог бы у дам ночевать хоть каждую ночь), – с удовольствием огромным пообщался бы с молодыми библиотекарями и девочками на подхвате, абитуриентками... Но именно тогда был так умотан последним службы годом – сбагрили таки меня начполитотдела полковник Пупышев и его зам – пп Рябов в Анивский мотострелковый полк комсоргом батальона, – тоже на должность капитанскую, – но спать в казарме, хотя, конечно, без строя после подъема, – и сиди себе в штабе хоть всю ночь, и, когда хочешь, – можешь идти без увольнительной в город; у меня-то в батальоне все было в норме (разве недолюбливал комбат пп Кучерук – солдафонская косточка; в приятельстве был со всем остальным офицерем, – а с капитаном Гырдымовым, замполитом батальона, – даже в доверительных отношениях – душевный был человек, – каких на гражданке в начальстве редко встретишь, – хотя и простецкий, – главное, моему уму (а по случайно подслушанному отзыву обо мне майора Соколова, замполита моего «родного» зенитного в Южном Соколе дивизиона, даже «мудрости»), будучи сам очень и очень неглуп – ни капельки не завидовал) ... (Здесь, ввиду редкости и важности такого, как *мудрость*, явления надлежит от моральных терзаний темы несколько отвлечься, вставить, так сказать, новеллу (но ничего не выдуманно в ней) ... Как это я в 24 узнал, что «мудрец», – и что из сего воспоследовало... В своем месте описал, в политотделе держался чем: задачки по «высшей математике» капитану Толмачеву, своему непосредственному начальнику, заму по комсомолу политотдела начальника, решал; по всему Сахалину Южному разбросанные части дивизии по комсомолу «окормлял», сведения собирал, нужные для ежеквартальной в округ, в Хабаровск, справки (это самое в работе главное!); а мой напарник, который, мне к благу, вскоре почти перестал в нашей комнате за каптерками в комендантской роте (там был даже отдельный от казармы вход, – тишина полная) ночевать вовсе (нашлась матрона), – трудно сказать, чем он на службе занимался, помню только, что подполковнику Рябову, замполитотдела начальника, устраивал квартиру или дачу; он-то вскоре и стал на меня этому Рябову, сильно смугловатому, как Брежнев бровястому (и психически сходного склада... *только подлее гораздо*) «капать» (насколько мой напарник ненавидит меня, он невольно выдал спонтанно – как-то при Толмачеве и еще офицере каком-то, при мне высказался обо мне: «Ну кому такая улыбка может понравиться!» (бабам он, блондинчик узколиций, «симпотности» банальной, близкой к ним животностью нравился (пол прекрасный, прости: любил и люблю только вас), – но завидовал страшно моей «хемингуэевской» небанальности лица (есть фотографии юношеские Хэма и меня – как близнецы мы!, – и особенно в зрелости Хемингуэя фотографию в газете черно-белую – неизменно за мою принимали, у кого для интересу спрашивал – «ты», всегда отвечали... – «Нет», разочаровывал я – «Хемингуэй это, не я»; но более всего, как все завистники, с моим превосходством умственным этот блондинчик не мог смириться, – как и пп Рябов, брюнетистый сильно (да и сам, пожалуй, начполитотдела полковник Пупышев, флегматичный еще фронтовик, лицом похожий на Горького удивительно) ... **Что совершенно неисправимо – так это к уму, то есть к развитию, – завистливость** ... Рябов, как «злодеи» все, был хороший «псих`арь», он, несомненно, и стал через полгода моего в политотделе обретания Пупышеву «капать», дабы сбагрить вниз лицемерно «на комсомольских кадров *усиление*» меня: – назад комсоргом в «родной» зенитный дивизион ... Полковник Пупышев к рации меня подвел, спросил при мне майора Соколова, замполита зенитного дивизиона, не забыли ли еще Бевзюка такого, – «Как такого забыть, за мудрость чтим»... Так я в 23 прямо услышал, что мудёр таки... ..И вот Пупышев, в конце января 64-го, на своем «козле» в Южный Сокол на комсобрание зенитного дивизиона меня повёз... Это была для меня целая катастрофа! Опять меня тыкали «в собственную блевотину», в 16 лет еще обрыдла коя, – на низовую комсомольскую работку, в пределах тесного военного городка, – тогда как от политотдела общался преимущественно с офицерами, меж коими нередки были люди развитые (побольше даже, чем на гражданке), – и передвижения мои были

свободны по всей южной половине Сахалинского острова; и библиотек между командировками лишался, особенно ДОСа, где было немало «крамольных» книг издания годов 20-х – из библиоколлектора в Хабаровске, куда стягивались библиотеки гарнизонов дальневосточных самых отдалённых, сокращённых Хрущёвым: – куда не добиралась чисток книг в 30-х ухватистая цензорская рука, и были книги даже философов-идеалистов, и даже Грегора Менделя, запрещенного у нас в 40-50-х «отца генетики», – я книжицу о скрещиванья гороха его с немалой пользой для себя прочел, – и это мне помогло потом здраво оценивать не только генетику, – но и идеологию, – и вообще *хитросплетения общества*... (*Грегора Менделя книжица маленькая, в невзрачной обложке мягкой, – дала мне много больше, чем все десять толстых томов сочинений Дарвина в зеленой толстой обложке: – самой методикой анализа фактов простейших, – самую суть явлений вскрывавшей сложную*... .. Но та первая попытка начальства меня сбавить сорвалась бесславно... благодаря талантливой агитации против моего комсоргом избрания перед собранием... еврейчика-салаги, – и певца и чтеца и на всех дуд`ах играца: он с присланным уже после меня младшим лейтенантом Кондратенко, тоже брюнетом, телосложением сублильным, тонким, хорошим танцором... недурственную художественность в части сбавали, привлекая окрестный «пол прекрасный» (офицерские жёнки, *офшарки*); и без моей «мудрости» у Кондратенки неплохо в охотку потом пошла и комсомольская колгота... .. Таки пришлось пол. Пупышеву вести меня назад... Это следует считать моим **третьим** счастьем (первое – родиться в конце года 39-го, второе – комсомольским «богом» в школе избрание) ... .. Зная, что меня при первом удобном случае в низа всенепременно сбавят, я в последующие полгода со всей своей силой на самообразование навалился, обе областные библиотеки прошерстил – и всех частей Южного Сахалина, по комсомолу мною «окормляемых» (именно из них в одной, в Корсаковском полку, запомнил из огромного фолианта 20-х годов издания окончание бессмертного сонета Данте: *«Залит проклятым ядом целый свет, молчит, объятый страхом люд смиренный, – но ты, любви огонь, небесный свет, вели восстать невинно убиенным, **подъеми правду, без которой нет, и быть не может мира во Вселенной**»*... .. Окончанье этого сонета стало мне повелением на всю жизнь дальнейшую. ... .. Значительно позднее, уже в конце 90-х купил в букинике объемистую книжку «Западноевропейский средневековый сонет»; оказывается, сонет этот – на убийство его единомышленницы политической, итальянской графини, – агентами римского папы и императора Священной Римской (германской) империи, – начинается не менее сильно: «Недолго мне слезами разразиться теперь, когда на сердце новый гнет... Но ты, господь, не дай слезам пролиться, – пускай твоя суровая десница убийцу справедливости найдет... что яд кровавого тирана пьет (всемогущий тогда римский папа! – Ю.Б.), который, палача приграв (германского императора – Ю.Б.), стремится залить...» – и далее, как я в Корсакове в 63-м – выше – прочитал... Наши составители фолианта только отсекали «феодалное» перед «залить» начало, убрали в этом глаголе мягкий знак, переводя из неопределенной формы в совершенный вид, «убиенной» заменили «убиенными»... .. Под ними я тогда понимал, конечно, репрессированных (составители фолианта в начале 30-х – жертв расстрела 9 января года 1905-го и бесчисленных войны Гражданской со стороны «красной»), – но после ноября 91-го – всех надо отнести жертв страшного 20-го века, в том числе и репрессированных, – но многих из них, теперь считаю – за дело... – *Все мы виноваты уж рождением и жизнью затем «во грехе», то есть в мерзостности: – слабости стремления к **взвышнию** над собственной животностью, – причиной основной катаклизмов в обществе*... .. В те полгода, важные для моего развития: – раз уж люди признали меня «мудрым» в 23, – так надо стараться помудреть и на самом деле, – я «высосал» все стоящее из всех доступных библиотек, просеял «частым ситом» мировую поэзию, заучивая самое существенное (повторяя потом ночами в памяти, невольно подыскивал забытые слова в рифму, – почему и «рифмоплетство» так легко далось... уже после 65-ти... чему и сам не перестаю дивиться) ... [Не только невольно учился банально подыскивать слова в рифму, – но и – гораздо важнее! –

важнейшие мысли вооружать рифмой – лето 2013] ... Ну и в августе 64-го, в ожидании автобуса возле фонтана обезвоженного у танкового полка ворот в Хомутово – посетила меня важнейшая мысль: – *у нас под словеса марксистские самый настоящий паразитический класс образовался, вреднее даже и дворянства*, – те еще как-то традицией оправдываемы, – а эти подлейше-глупейшие «рецидивисты»... ..И только год назад (от 1964, как этой мыслью оселен я) – узнал я лет через 30 – «допер» до этой же мысли Джилас; учитывая, что ему уже было около 50-ти, – и опыт имел – в самой верхушке страны – войны, и государственного новостроительства, – а мне лет меньше было вполтину, – то объективно надо считать изрядным достижением ментальным...

...Таки в августе 64-го меня из Южно-Сахалинска выперли, – в Анивский полк комсоргом первого **мотострелкового** батальона сбагрили-упекли (см. полтора страницами выше) ... – ...Итак, моему уму ни в малейшей степени к-н Гырдымов не завидывал, хорошо видел, как мне тягостно в таком окружении **примитивном**, сочувствовал, – как мог облегчал мою участь: редкий, единственный даже человек с такой веселой, легкой душевностью... Зато изрядно потрепал нервы мой начальник непосредственный, комсорг полка ст. л-т Мошинец. ...Нет, совсем меня не преследовал, ничего и не требовал, имел даже, как к бывшему политотделскому начальнику (хотя и сержанту) некоторый пиетет: раздражала сама его бестолковость на заседаниях полкового комсомола комитета и необходимость все-таки как-то подчиняться такому слабаку... Правду сказать, у меня на истощении вообще были нервы... Да тут еще животец заболел, не сильно, но длительно, – избавился экстрактом брусники (видимо, проявление цынги: хотя овощи в рационе солдатской столовой были, – а другие вроде бы не имели таковых признаков, – но я ведь ни с кем своими недомоганьями не делился) ... ..За тот я год, дабы гарантированно в ДВГУ на историю поступить, – университетски филологию изучил: в городской библиотеке анивской оказался полный подбор всех русских 19-го – начала 20-го века филологов знаменитых; девушка библиотекарша, довольно милая, хорошая и красивая (южносахалинского ДОСа коллеги постарше, лет 35-ти) – в меня явно влюбилась аналогично; – но спал тогда в сутки всего часа 3—4, – а, главное, они, хотя милые и симпатичные, обе довольно полноваты были... не в моем «вкусе» (был в этом довольно-таки привередлив); может быть, и была какая-то польза от филологии (вряд ли – на нее налегал, дабы экзамен по русскому устному гарантированно сдать), но урываемые от сна часы и напряжение от «лицемерного» непосредственного с людьми общения, мне неинтересными, при моей природной к людям избирательности («лимит» общения по необходимости «со всеми» я исчерпал еще в 15—19 лет), – подвели меня к пределу выносливости нервной системы, – и дабы подкрепить ее – настойку на семена лимонника купил, – в результате пришлось еще сдерживать сильную раздражительность возникшую (*тогда я ощутил: не допинги мне нужны, – напротив, успокоительное*)...

...Армия в последнюю неделю буквально в ней пребывания изрядную тяжесть взвалила на меня, – зато дала мне всего за четыре ночи и дня и в людоеденье и в юристике-криминалистике понятие неслабое... ..В отдаленной ракетной части, в глухих сахалинских горных лесах, пятерка «дедов» наглых вконец истерроризировала молодых солдат: год почти терпели те чрезвычайные издевательства, – пока одного не избили до реанимации ... В госпитале армейские юристы серьезное уголовное дело размотали... Общественный обвинитель из срочников был надобен – а кто же в дивизии, кроме меня?! – посему судебный процесс решили провести в полку Анивском... Ночами дело... помнится... пятитомное изучал, вникал, на процессе сидел три дня, речь обвинительно-оправдательную составил, первым ее зачитал (затем уж обвинитель государственный, полковник военной юстиции... потом мою речь похвалил, «вот только вы, по-моему, слишком в психологию зарылись» – «надо же мне и для себя что-то извлечь было» ... крепко друг другу пожав руки, мы простились)...

На судебном процессе том над «дедами» в начале августа 65-го выступив – назавтра в Южносахалинск – самолетом во Владик; – через два дня поездки длинные с Чуркина до Горпарка на экзамены... все на «отлично» сдал... Назавтра опять нас пять, кто заведомо поступает (конкурс был 15 на одно место «на парте», однако), вызывает секретарша деканата, предлагает... с недельку поработать в университетской библиотеке на книжной инвентаризации – вместо месяца в колхозе в сентябре... «Козла в огород» буквально запускает! И книги, и девочки – умненькие абитуриенточки, и библиотечные нестарые, как правило, дамы!.. Но так был умотан страшно последним годом в армии, особенно самыми последними месяцами, – и сверх всего самая последняя армейская «кладь», страшно меня умотавшая, – общественный обвинитель в процессе над «дедами»: и недосып, мало не недельный процесс, и увлечение юристикой, не ко времени дурацкое, – и, главное, страшный расход эмоциональный... Только одному побыть в лесу, на берегу таежной речки с недельку – как можно подальше от людей! ... – и тон еще секретарши-мегеры (лет 30-ти, еще не старой, – могли бы покрасивше подобрать... очевидно родственность, nepoтизм пакостный, – уже при одном виде подсознательно раздражаюсь): – узнаю, режет слух, – *тон паскудный командный*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.